

**Генри Лайон Олди – «классический» дуэт
в русскоязычной фантастике, или
Кто продолжает просветительскую традицию братьев Стругацких**

Ил. 1. Дмитрий Громов и Олег Ладыженский.

Исследование творчества Г.Л. Олди – своего рода долг уважения и благодарности, поскольку при чтении олдевских *героических* циклов начала «лихих 90-х» автора данной публикации посещали довольно-таки противоречивые мысли. В тех книгах царила, на первый взгляд, «романтика эскейпа» – бегства от неприглядной действительности, облагороженная скромным *гуманистическим пафосом* («верой в человека»). За этим, однако, была еще педагогика «критического осмысления мира» (не верь, мол, читатель, красивым речам, смотри на деяния-события и постигай следствия-причины!). Язвительная ирония, переходящая в откровенный сарказм, по отношению к профессионалам благих намерений – фирменная черта ранних книг Олди, а неповторимый стиль «претензий к себе» изначален и естествен, в стихах и в прозе. При этом в многочисленных интервью, эссе и статьях (публикуемых, кстати, в качестве приложений к романам и новеллам)

прокламируются «идейные» творческие критерии, ведется борьба в критике – за высокий уровень литературного мастерства.

Такая степень внутренней ответственности в социальной, интеллектуальной и художественно-культурной проблематике фантастики как жанра русскоязычной Большой Литературы была достигнута лишь

однажды, – братьями Стругацкими. Это не значит, что их наследниками решены все творческие проблемы, осталось только поменять псевдоним на «Толстоевский», дабы нетленку ваять, но «художественный уровень творчества» у Г.Л. Олди высок настолько, что сделался классикой даже для издателей-«рыночников».

Очень мало, по совести говоря, авторов «фэнтезийного» жанра могут претендовать на подобную честность и ответственное отношение к творчеству. Самоирония видна даже в деталях, не говоря уже о творческих принципах, «эстетике интенций», а скрытая печаль – не цинизм и не снобизм, «игра на границе», так что дистанция-отстраненность и поза «мегафилософской отрешенности» необходимы для самокорректировки... Уважение к читателю (любому, даже «темному», случайному), – главный принцип Олди. Его соблюдают, даже оплакивая погубленные возможности «избыточно простых» людей или принципиальную безответственность элит, – политических и культурных, современных и прежних, и в этом также сходство со Стругацкими, прямая переключка с ними [1, с. 221].

Ил. 2. Олди: гармония спарринга.

Принципы творчества Олди,

во многом совпадающие с эстетикой Стругацких

1) Уход от «сентиментального» (псевдолирического) пафоса, опора на романтическую традицию с «героической позой» (или «антигероической», имеется ведь и такой вариант «активной жизненной позиции»).

2) «Пафос героического созидания-преодоления» формируется через «объемное» развитие образов и конфликтов внутри сюжета, когда якобы нет правых и виноватых, «роковых» злодеев и *добрых* спасителей человечества.

3) Нет «исправления-пересоздания» мира-вселенной, но есть «народная традиция» – она прослеживается в обращении носителей высокого интеллекта («фаустианцев») к «духовно-практическим корням» бытия-быта, поскольку по ходу развития сюжета происходит постоянное переосознание («перереформатирование», если угодно) мира-в-себе и себя-в-мире, – иначе говоря, есть готовность «всё потерять и всё начать сначала».

4) Активно используются «игровое» словотворчество и «отвлекающие» каламбуры-аллюзии; читатель оказывается в море *забавных* умствований с роскошной идиоматической эквилибристикой («на грани фола» – хорошего и дурного вкуса сразу, одновременно, – здесь Олди заходят дальше Стругацких).

5) Имеется готовность (*интерес!*) к постижению неведомых доселе граней реальности, что уже само по себе аннулирует подозрения в *морализаторстве*, хотя остается такая важная вещь, как образно-художественная глубина произведения, где *вымышленные* (но «реалистичные») образы тяготеют к узнаванию-проявлению в «живой жизни». Эстетическая нагрузка на ритмизированную прозу усугубляется стихотворными вставками, что само по себе уже есть педагогическое воздействие... Интеллектуализм в чистом виде, неоромантизм в классической форме? О неоромантизме речи нет: красивые позы и «героическая» исключительность получают исключительно пародийными, – эти качества достаются безнадежным глупцам или «книжным детям», «бумажным солдатам».

Творчество Олди и впрямь опирается на интеллект. При всем сходстве со сказкой, даже когда персонажи прямым текстом говорят, что находятся вне реальности, наша (еще какая *наша!*) реальность торжествует в них, утверждается ими! Фэнтези по своей сути – интеллектуальная форма ухода от действительности, да, это враг подлинно критического мышления, якобы останавливающий развитие «досужестью» и «приключенчеством», и еще много чего можно сказать, но что собой представляет литература для подростков (в том числе великовозрастных, включая пенсионеров)? Невероятные ситуации и авантюры, аномальные характеры, путаница и анахронизмы – даже у Вальтера Скотта, даже у братьев Стругацких! Тем не менее, исторический роман – «приключенчество», и сказка-фэнтези, и НФ – тоже, и без этих родственных жанров теряют цену мемуарная литература и

футурология, а публицистика и социокультурные исследования превращаются в *скудную* болтовню и ресурс информационных болванок, – во всяком случае, для *неспециалистов*.

Поэтому фэнтези на рубеже тысячелетий и вторгся в зону, принадлежавшую другим жанрам, – причиной этому стали качественные изменения в культурной жизни общества [2]. Произошло *возвращение «духовности»* известного толка, и в этой парадигме представить действие «по щучьему велению, по моему хотению» очень просто, – без технологических подробностей, «скучных» деталей всяких там трансгрессий и материализаций...

Педагогическая направленность «приключенчества» ясна с того момента, когда ребенок начинает мучить окружающих вопросом «почему?». В *сказке* ответ может быть многовариантным и даже противоречивым, постигаемым и ощущаемым в каждый следующий момент по-разному, пусть и «мистически», без учета каких-то реалий, но в подростковой картине мира, соответствующей жанру фэнтези, реальность обретает иное качество – открыта для более глубокого постижения, интеллигибельна. Так как и сегодня большинство людей «внутри себя» остаются подростками (на уровне футбольных болельщиков или членов спортивно-туристических клубов, например), не достигая полной зрелости даже в осознании каких-то требований-претензий к себе у окружающих, очевидно, что нынешняя *сказка для взрослых* выполняет важнейшую общественную функцию. На ее культурных основаниях, всасываемых едва ли не с молоком матери (например, необходимость для мира и человечества меня, такого-то реципиента-читателя, в качестве зеркала исключительного героя-персонажа) покоится принцип социального статуса, готовность к самостоятельному труду (и творчеству!) – и еще очень много всего.

Это не значит, что для Олди не существует сегодняшних литературных авторитетов. Восхищения достойна, к примеру, Дина Рубина – «вот у кого стоит поучиться многим современным писателям» [3], – однако учиться можно не только у нее.

Не псевдоним красит дуэт, а дуэт – псевдоним

«Генри Лайон Олди – псевдоним писателей-фантастов Дмитрия Громова и Олега Ладыженского с 13 ноября 1990 года. <...> Их книги покупали, как минимум, полтора миллиарда раз. Именно столько составляет общий тираж всех изданий, переизданий и

переводов Олди. Дмитрий Громов и Олег Ладыженский постоянно живут в Харькове и очень много работают» [3].

Тиражи у Олди в России больше, чем на Украине – и где бы то ни было, разумеется. Можно пожалеть националистов-галичан, возлагавших надежды на «промывание мозгов» через *українську мову*, потому что творчество Олди, хотя все их книги и переведены на украинский, является гордостью народов Украины, и прежде всего – русского! Без какого бы то ни было *шовинизма*, потому что нельзя загнать жизнь-культуру в тесные рамки «национально дозволенного», «державно необхідного». Скучно, право, быть хуторянином в XXI веке, – это все равно, что изображать перед зеркалом дворнягу, выпрашивающую косточку. Культурническое «хуторянство» высмеивается-оплакивается прежде всего в «Реттском цикле» (например, через «постмодерновенькие» цитаты из поэтов, чьи имена – «бард-изгнанник Томас Биннори» или «Адальберт Меморандум, народный ятрийский поэт, штабс-секретарь Ложи Силлаботоников, автор “Куртуазного Декларата”»). ... И не нужно спроста грешить на Томаса Мэллори и Джорджа Гордона Байрона, Фр. Вийона и Н. Буало, – здесь гораздо более изящные, издевательски коварные аллюзии, пародирующие характеристики европейской классики, данные вузовскими учебниками и отдаленно похожие на энциклопедическую игру «Новейшего Плутарха» Д.Л. Андреева, В.В. Парина и Л.Л. Ракова, – тюремных остроумцев, придумавших *для забавы* сонмище исторических и культурных деятелей разных стран, стилизованных типическими характеристиками биографических справочников XX века).

Если всмотреться в магические реалии цикла, они весьма претенциозны, велеречиво-декларативны и трогательно провинциальны. Сказочная Реттия, разумеется, страна *позднеевропейского* Средневековья (но и Возрождения, даже Просвещения), и в ней много чего происходит такого, что типично именно для «окраины». Хотя в столице королевства действует блистательный университет магов – *Универмаг*, для надлежащего восстановления магических сил применяется «Сон золотой», замечательное изобретение «волхва-кантикулярия Жан-Пьера Беранжа¹, внука портного и сына швеи, выбившегося в люди исключительно благодаря таланту и обаянию» [4, с. 240]. И нет у лейб-малефициума (королевских «злых» волшебников-телохранителей) стремления творить зло во имя

¹ «Господа! Если к правде святой / Мир дорогу найти не сумеет, / Честь безумцу, который навесит / Человечеству сон золотой!» В пьесе Горького «На дне» будущий самоубийца Актер пафосно декламирует заключительный отрывок из стихотворения Беранже (в переводе В. Курочкина).

принципа, – те еще себялюбцы, безыдейные шкурники, а «бескорыстные заговорщики» – есть и такая конспиративная магическая коллегия – бескрылые террористы-снобы, спортсмены-экстремалы, карикатура на истинных злодеев!

Поневоле вспоминается «Золотой теленок» Ильфа и Петрова, – для «детей лейтенанта Шмидта» провинциальный Бобруйск считался «прекрасным, высококультурным местом», – но ведь центр мировых событий может быть где угодно, происходили бы там только битвы со злом вселенским, определяющие судьбы мира!

Ил. 3. Книга, посвященная альтернативной реальности. Там есть Россия начала XX века, есть жандармы и «антиобщественные элементы» – маги.

Олди – марка литературно-философской (лирико-поэтической – внутри фэнтезийной прозы-поэзии) борьбы с мировым злом на всех уровнях, особенно когда никакой борьбы вроде бы нет, сплошная тишина, *застойные* будни «тихого» захолустья. «Золотой сон» – кратковременная исцеляющая иллюзия для мимолетного отдыха – но и своеобразный жанровый принцип, романтический символ для особо продвинутых фэнтезийщиков... Кстати, о фэнтезийщиках: Олди в свое время издали роман о людях своего цеха – «Орден Святого Бестселлера» (2002). Там действуют чрезвычайно узнаваемые даже для читателей-профанов, активно общающиеся (пьющие) на конвентах герои-писатели, а главным злодеем является Книжный Червь, – весьма жизнеподобная псевдочеловеческая особь, имеющая корни в реальности не только издательски-фэнтезийной.

Чего не выносят Олди, чего у них нет, так это расчетливой черствости и ложного пафоса. Дело не в том, разумеется, что О. Ладыженский пишет стихи, а в том, что проза дуэта Олди основана на двух вещах – философском потенциале мировой классики и собственном лирическом мироощущении. Поэтом вправе ты не быть, но жалок жребий пустодушных! Отсюда же и богатство языка, привычка к обыгрыванию цитат, обилие интеллектуальных каламбуров, когда трезвый расчет сочетается с безумными (на самом деле очень хорошо продуманными) экспериментами по принципу «ломай дрова, топор – топорен!». В свое время интеллектуально-эстетский, «лирически-эпический» античный

цикл (кое-что в этот блистательный цикл внес харьковчанин А. Валентинов, – А.В. Шмалько, фантаст-историк) показал, что Олди без особого напряжения могут интерпретировать по-своему («лирико-эпически») самую строгую классическую мифологию.

А. Валентинов менее мастит, чем Олди, – возможно, оттого, что в глубине души все-таки предпочитает строгую Клио (музу-покровительницу истории) буйству лирической поэтизации-стилизации с иными законами сюжетофабурирования, конфликтотрагедийности, а также коллизий и пафосимболики... Народные корни «олдетских» произведений более очевидны – именно благодаря победительной лиричностью интеллектуальности, *вундеркиднопросветительской* по исходной форме. Куда ни глянь, география с историей!

Китай («Мессия очищает диск», 1997), Индия («Черный баламут», 1997–1998), Япония («Нопэрапон», 1999), ближневосточные и среднеазиатские мотивы («Кабирский цикл», 1996–1998), «мифологическая» ранняя античность («Герой должен быть один», 1998; «Одиссей, сын Лаэрта», 2001), европейское Средневековье (очень много всего придется перечислять) и наша современность, – список выйдет ну очень длинным, особенно если перечислить сведения о премиях. Герои Олди всегда готовы чувствовать-постигать-мыслить, пересоздавая мир *по себе*, поскольку у их создателей ушки на макушке, – не в смысле рыночной конъюнктуры, а потому, что взор и слух остры. Мировую дисгармонию и ее музыкальные вариации сегодняшнего дня отчетливо интерпретируют – и глубоко, на уровне сердечного ритма... Плохо это или хорошо? Для читателя – хорошо! С другой стороны, сие, конечно, симптом социально-культурного неблагополучия: «избыточная» популярность новейшей интеллектуальной сказки («фэнтезийного чтива») превышает спрос на *школьнопрограммную* литературную классику, а мнимые «постмодерновости» Олди читающая публика предпочитает неудобочитаемым и тяжеловесным арабескам в стиле Умберто Эко. Плакать, однако, по этому поводу есть кому; радоваться – тем более.

**Особенности построения
«завлекательно-интеллектуального сюжета» у Г.Л. Олди**

Проблема «цивилизационного тупика» у Олди ставится более конкретно и менее претенциозно, развитие и деградация человечества показаны «в живых чувствах», а не в убогих схемах «постмодернистских» повествований. Нет любимой критиками известного рода «дискурсной» умозрительности, зато есть отстраненность-«остраненность», – фэнтези это позволяет без стареющей на глазах «технической документации» *научной фантастики*...

Роман «Шмагия» написан в 2002 г., считается элитно-интеллектуальной *книгой*. Тираж 2011 года – 4000 экземпляров, на радость знатокам-любителям, а «Золотарь» создан в 2009 г., в 2011 г. получил тираж 2100 экземпляров. Вдвое меньше, потому что «про жизнь», поскольку «рынок» предпочитает «полный эскейп» (максимальный уход от реальности). Чем противнее интеллектуальному реципиенту-потребителю-читателю наша прекрасная, культурно-цивилизированная реальность-действительность (сразу во всем мире и в отдельно взятой стране – Украине или России, Австралии либо Японии), тем выше, как известно, спрос на профессиональную трансформацию этой самой реальности – через затейливый вымысел, героические приключения, мистику и прочее подобное.

Роман «Золотарь, или Просите, и дано будет...» не посягает на «эпохальные» премии, в отличие от принципиально эстетских, артхаусных произведений. Его герой оказывается вовлеченным в социально-культурный конфликт – «сетевой», «инетовский» – с того момента, как его сына избивают неведомые хулиганы. Расследование ничего не дает, а истина заключается в том, что «зараза» – зло, продуцируемое в сеть ее пользователями в чатах, на конференциях, в общении-диалоге, способно воздействовать на людей, «общающихся под никами» внезапно и разрушительно. При дальнейшем расследовании выясняется, что грозный хулиган, пожелавший юноше Антону «убицца ап стенку», – «Chukcha36», – девочка-пэтэушница, уже покушавшаяся на самоубийство, несчастное и ущемленное буквально во всем существо. Агрессия-инфекция, «выброшенная» через компьютер в сеть, поражает пользователя под ником «Antique» так, что он сам ломает себе руки, но ему еще относительно повезло. «Типовое» пожелание «Препо, выпей йяду!» стало причиной смерти университетской преподавательницы, а еще какая-то дурочка из-за безосновательной ревности убила «заразой» вьетнамку-сокурсницу.

Будущее хорошего не сулит, если оставить все как есть. «Низшая» ноосфера материализуется, любые конфликты на этом уровне становятся социальными, роковыми. Пожелание какого-нибудь предельно озлобленного, несчастного и затравленного существа «Чтоп вы все здохли!» может реализоваться «в конкретике», – подобная «зараза» может обернуться чем угодно, даже ядерной войной. Всплывает проблема общественного зла и социальных бедствий, – тут не просто времена-нравы, этика-эстетика и элита-контрэлита, а всеобщее озлобление-ожесточение – и сведение *классовых* счетов, государственные меры по *защите от...* Грядет усугубление зависти-злости – или все-таки возможно исцеление общества, повергнутого «лихими девяностыми» в пучину собственнического и национального эгоизма? Чего будет стоить уход от неуклонно растущей социальной напряженности?

Эта тема неприятна «либераморализаторам», требующим свободы для сильных, потому что есть еще и «сила слабых» – роковая, неодолимая. Они-то, успешные и модные, импозантные и богатые, думали, что «слеза замученного ребенка» – это образ-символ для проповедей о человеколюбии-гуманизме, что социальные революции – следствие слабости «силовых структур», а кровожадные революционеры рвутся к власти, только чтобы заменить одряхлевшую элиту с ее наивным гонором, нелепыми амбициями!

В «Золотаре» и «Шмагии» не тема катастрофы заявлена, – приключения в чистом виде, эскейп в кубе. Поначалу стиль – игра в игре, издевательский «букеризм» и «зеркальное» морализаторство с экскурсами в справочник патологий и судебную психиатрию. Можно под этим соусом и псалмы «священным традициям» спеть, можно и возгласить хвалу анархическому аморализму яко же наивысшему творческому принципу, – постмодерн сие дозволяет, но Олди и «букеризм» несовместны. Обожание «эстетских» шедевров – удел весьма достойных, уважаемых лиц, призванных наделять

Ил. 4. Обложка романа «Путь меча». Обожатели «романтики битв» вправе почерпнуть отсюда кое-какие истины, касающиеся любви к оружию, – а также по отношению к привычке мыслить категориями техники, когда боевые инструменты определяют стремления хозяев.

конфетами довольно-таки ограниченный (во всех смыслах, включая одаренность) круг авторов... Якобы между стилизаторами-«артхаузерами», обсасывающими сахарные косточки модной тематики, и творцами-мыслителями, «проживающими» на страницах своих книг «боль миллионов», нет особой разницы: и те, и другие добиваются известности, тяготея к высоким гонорарам и скандальным темам, но если пустоцветы упиваются эстетизацией патологий, с показным удовольствием «дышат смрадом болот», настоящие творцы исследуют «ужасы жизни» для постижения своих героев, их среды-социума. Нужно ясно видеть, пронизать «мелкое» бытовое зло, чтобы определить в убогих с виду «носителях» его, воспринимающих любые явления жизни через предельно примитивные категории обценной лексики, корни *настоящего* Большого Зла, кровавого и мучительского. Отнюдь не стихийного, – культивированного социумом! Это необходимо еще и для того, чтобы без гнева-ненависти-презрения увидеть *новейшую* «общечеловеческую» культуру в качестве целостного объекта, и тайны *норм*, скрытые под маской привычного всем *нравственного бытия*, откроются, – даже там откроются, где «духовные вершины» новейшей эпохи уже становятся приземленной обыденностью, нормой вроде правил гигиены. Чем именно за такое разоблачение «пятен черноты» придется заплатить «элитам» и социуму-цивилизации в целом, другой вопрос, но вскрытие-вивисекция, самоанализ-диагноз на уровне последовательной варваризации (якобы в цитировании сетевых источников-образцов) – форма интеллектуально-стилистической «игры в бисер», привычная и необходимая Большой Литературе со времен модерна.

Если герою романа приходится заняться социальной дефекацией, стать своего рода ассенизатором-золотарем (фамилия подходящая – Золотаренко), это обстоятельство вызывает у «среднеклассно-креативного» интеллектуала, инт-читателя, снисходительную гримасу, но и заинтересованность, поскольку тема издевательского *троллинга*, статусного интернет-хулиганства *актуальна*, – однако это лишь самая верхушка айсберга. Социально-культурные моменты, вызвавшие к жизни этот самый троллинг, – *пороки общества* [1, с. 51]. Кара не по грехам, но под «случай» попадают все, «зараза» бьет и наугад, вслепую.

Как бы совместно с Золотаренко-Золотарем герой «параллельной» книги, Андреа Мускулюс, чернокнижник-заклинатель («малефик», согласно терминологии королевства Реттия) в ультраромантическом и вроде бы постмодернистском романе «Шмагия» тоже

борется с пороками общества, поскольку демонов, злобных и коварных, в Нижнем Мире порождают и вызывают в наш мир именно они, человеческие пороки, превращающие *добрые* намерения известно во что... Происходит сие, разумеется, не без помощи коллег Мускулюса. Те рады использовать и самое черное зло, и «шмагическое» добро, лишь бы обрести новые горизонты «маготехнократической» власти, получить желанные результаты в исследованиях, – ради блага человечества в целом и отдельного конкретного ученого, понятное дело! Нужно как можно скорее осчастливить-спасти друга-мага, высокоодаренного отца бесталанного с виду сыночка, – Яноша, мальчика с доброй душой, приятной внешностью и примерной храбростью [4, с. 228–230]. И почему, почему дети не являются прямым продолжением родителей, самую чуточку улучшенным, за что такое горе?! Кстати. Эта тема, тема *наследования* (в том числе творческих и «деловых» способностей, имущества и статуса) была «социально-фэнтезийно» *освящена* Г.Л. Олди в так наз. «Воровском цикле» («Пасынки восьмой заповеди», 1998, и «Маг в законе», 2000).

«Золотарь» начинается с того, что неведомые злодеи избивают-калечат сына главного героя, затем события, сомнения-размышления идут потоком, слегка замедляясь на крутых перекатах сетевых форумов с присущим им деструктивным самовыражением. В романе «Шмагия» пружина конфликта давит на сюжет иначе, но события показывают взаимную связь низменных предметов и высоких проявлений духа в таких неожиданных ракурсах, что интернет-инфекция («зараза», Внушаемое Зло, «невербальная инфосфера 2-го рода») из «Золотаря» оказывается родственной *деманию* из «Шмагии», загнанному в угол Фортунатом Цвяхом, охотником на инферналов. Олди удалось вызвать у читателей что-то вроде сочувствия к Судьбокруту – демоническому двойнику лилипутки Зизи, эквилибристки-наездницы «Цирка Уродов», притом без нравоучительных сентенций. В демоне-демании много *детского* (и слеза отчаяния есть, и затравленность, и суеверные страхи с бессильной до поры ненавистью), – это ведь «мания улучшения бытия» во плоти!

Образ *идеального* зла как замученного ребенка? Известно, что зло – обратная сила *любых* помыслов и действий. Нет худа без добра, и тем более верна обратная посылка... Зло – категория этическая, «практически-духовная», его исследуют-постигают и через образы искусства, и через данные науки, но система координат у этих отраслей познания мира разная, принципы постижения-осмысления зла и добра тем более разные – до взаимного неприятия-отталкивания, вот и хорошо. Без явных и скрытых понятийных

противоречий фактографические знания мертвы, как вакуум Космоса, но и мнимая пустота вакуума не лишена имманентных (внутренне присущих ему, вакууму) противоречий, ибо противоречиво всё сущее! Так что наихудшее зло и в жизни, и в литературе творят не злодеи, а *героические* специалисты, профессионально борющиеся против зла, – «Платоны» и «Бонапарты», условно говоря, если вспомнить роман «Богадельня» (2001).

Почему? Потому, что стремление утвердить личное свое «добро» – вернейший стимул для утверждения «общего зла». Самоутверждаясь, проще всего интерпретировать удобное и привычное зло в качестве универсального добра *для всех*, на все случаи жизни... Даже прогресс человечества противоречив: слово-речь, через труд сделавшее человека мыслящим существом, отняло у него «дологический» мир с невербальными представлениями-образами, вытеснив прежние ориентиры, а Олди прекрасно умеют «обыгрывать» научные истины в зеркалах искусства, в том числе через «идеал зла».

К примеру, невербальные способы передачи информации могут быть «мистически» ужасны, Зараза убивает и калечит «через психику» [1, с. 247–248]; мощнейшая «демагия» Судьбокрута (человеческие мании – основа всякого «демания») вышла из той же *бытовой* корзины. Зло, таким образом, изначально опирается на творческие способности одаренных людей: лилипутка Зизи обменивает свой «шмагический» (фантазийно-творческий) дар на жизнь кентавра Грини [4, с. 354], и Судьбокрут благодаря этому (а заодно стараниями демоноубийцы Фортуната Цвяха, – «Цвях» по-украински «гвоздь») становится ее двойником, принимает человеческий облик, отчего Фортуна-судьба, «высокая дама в синем», лишь улыбается «в облаках, деликатно прикрыв рот ладонью» [4, с. 355]. *Деманий* Судьбокрут пахнет лавандой, а не серой, видит мир по-своему и живет импульсами самых примитивных эмоций, как животное или маленькое дитя, постепенно очеловечиваясь, что делает его всё более опасным. «Он-оно» творит добро инфернальным образом, в поединке с Фортунной-судьбой спасает детей и взрослых, *против своей воли* навлекая всё бóльшие несчастья на тихий провинциальный город и его обитателей.

Где тут добро и где зло? Поневоле вспомнишь стихи из «Трудно быть богом» (ТББ) братьев Стругацких: «...Бессильный и неумелый, опустит слабые руки, не зная, где сердце спрута и есть ли у спрута сердце...». Кстати, насчет Стругацких и этической переключки-преемственности, – в «Шмагии» один из эпитафов (к *Spatium X*) является сонетом «Памяти Цурэна Правдивого» (эпизодический персонаж из ТББ) – «Как лист увядший

падает на душу...». Переключка более чем знаковая, однако отнюдь не претензия на «славу по наследству»! Таких переключек в «Шмагии» великое множество, – от Вийона и Высоцкого («Ох, скоро на меня, козла, не хватит ни добра, ни зла»...) до Омара Хайама и Роберта Бернса (под пестролоскусутным покрывалом-плащом Томаса Биннори, «поэта-изгнанника», – в олдевском, разумеется, преломлении). Это, однако, не мешает «сказочно-праздничному» восприятию разворачивающегося повествования-представления, – наоборот. Изобилие творческих интенций (развлекательно-игровых, но и напыщено-назидательных, – и в пародийности, и в ложно-педагогических мудрствованиях, ироничных и «цитатно-обожательских» одновременно, – поток признаний в любви к «высокой классике» через мнимое издевательство над ее ценностями) показывает богатство «олдаренности», а не убожество постмодернистской «цитатности».

Интеллектуальные аллюзии и эстетические провокации буквально переполняют оба романа, внешне совершенно разные по стилю и духу, видимой глубине мысли и эстетике. Зачем это нужно авторам? Во-первых, чтобы вынести «житейский», не абстрактно-юридический приговор привычному («обыденному», «приросшему к сердцам») злу, получившему законное право на существование как бы в обмен за «рыночную» свободу авторско-читательского самовыражения (своего рода современный *общественный договор* Фауста с Мефистофелем). Во-вторых, чтобы показать отвратную и крайне примитивную по своей сути «бездну порока», готовую в очередной раз поглотить «цивилизованный мир», ежели оный продолжит путешествие к общеизвестным воротам с восхитительным лозунгом «Каждому свое» (неолиберальный вариант – «Работа дает свободу»). Выгода личная, «шкурная», – та самая морковка, за которой спешит козел-идеолог, привычно ведущий «человечье-овечье» стадо на вселенскую бойню. Идеолог получает морковку-славу, а хозяин бойни – денежный профит, доход-прибыль...

Если эта система будет не просто разоблачена, но и демонтирована, мы не сможем оставаться баранами, неспособными отвечать за себя и свой мир. Люди – дети,

Ил. 5. Обложка романа, посвященного «альтернативной европейскости», – продолжение «Шмагии».

растущие и взрослеющие, а не скоты бессмысленные, пасомые-ведомые по их сословиям «деловыми» хозяевами, вот какой пафос перешел от братьев Стругацких к Олди, и отеческая любовь к людям-детям, вопреки и благодаря порокам их развития-роста, невзирая на «пафос понимания», – стержень творчества Генри Лайона Олди.

***Проблемы и перспективы творчества, векторы тенденций
и прочая политология***

«Из прочитанных авторов к понятию классика в жанре “фэнтези” толком-то и отнести можно разве что пана Сапковского (Анджей Сапковский – известный польский писатель, автор многотомной фэнтезийной «Саги о Цири и Геральте») да многоуважаемых господ Олди. Эти писатели по праву могут считаться достойными ваятелями, скульпторами и творцами прекрасного» [5].

Это мнение человека двадцати лет от роду, которому надоели мерзости в качестве этических реалий, фэнтезийных и нефэнтезийных. Идеологические игры в разнообразные «измы», включая постмодерн, занятие рискованное, можно остаться *без тиража*. Литература отличается от мусора, призванного ублажать почтеннейшую публику и потрафлять «рынку», тем, что обращается к подлинным чувствам и не суетным мыслям. «Жизнь учит» не только творить «новую фэнтези-литературу», но и надлежащим образом организовывать *воспитательный процесс* [6, с. 590]. Об этом, по существу, написан роман «Орден Святого Бестселлера» (2002), этому посвящен и семинар, который Олди ежегодно проводят для начинающих коллег-фантастов.

«Быть или казаться» *современным автором* – вопрос не для «трудяг». Стилизаторы, в отличие от творцов, гораздо выше ценят славу, признание, они также и более склонны к декларативно-политическим акциям, способствующим их утверждению в почетном якобы статусе «властителей дум». Таковым «троллям, упивающимся собой» (Ибсен, «Пер Гюнт») в «Золотаре» прежде всего нужна поза, соответствующая социальному заказу, тогда как *трудяги*-мыслители, отнюдь не чуждающиеся всенародной любви, заслуженной славы и гонораров, живут выстраданным творчеством – не фанфарами и гонорарами, а, самое страшное для «троллей» и «червей», своей устремленностью «в завтра» (тема-проблема, идея-пафос и т.д.). Вольно или невольно Олди поднимают социальные проблемы, еще

вчера казавшиеся решенными, – *сословная* неприязнь (уже ненависть!), бурлящая в Сети и наполняющая «сказочное» ретгийское общество, очень нам знакома.

Мастера такого уровня могут «застилизовать» все что угодно, кроме живой истины, – «правды жизни», но прелесть стилизаторской игры в литературу («дискурс постмодерна») годится только для богемы в ее дистиллированном виде. Богема работает на *сытых* – иногда и на *пресыщенных*, чтобы самой кормиться надлежащим образом, имея статус «подразделения среднего класса». Простая истина – «бесплатных пирожных не бывает, яко же беспартийной литературы», утвердилась при непрестанном отрицании-обсуждении ее настолько, что артхаусных «тусовщиков» уже никто не принимает всерьез, а серьезные писатели не претендуют на «стилистические» премии... Получается, что рыцари Ордена Святого Бестселлера «выходят в тираж» с багажом социальной ответственности, соответствующим их вкладу в духовную жизнь читателей. Хорошо это или плохо – вопрос к социологам и культурологам, но для всех очевидно, что «фэнтезийщики» (и вообще фантасты, включая еле живую *научную* фантастику, НФ) вдохновляются устремлениями интеллектуальных читателей. Это не значит, что вокруг жанра фэнтези нет паразитов, на каждом шагу предлагающих проекты продажи читательской массе «пареной соломы» в той или иной упаковке. Уважения эти Книжные Черви с трупа «изящной словесности» не заслуживают, – и даже презрения. Их дело – кормиться падалью, а участь творцов – труд, хотя бы и на уровне «литературного подёнчества» с редактированием наивных текстов, где сражаются *эльфы* Эльдар и Берендил, – так они бьются, что «юноша чуть не упал, но сумел отразить клинок, намеченный в шею», и *танец мечей* до того «восхитил пьяного менестреля, что он вскочил с насиженного места»... [1, с. 33].

Горько, но такова *реальность*. Эту *реальность* впаривают издатели почтеннейшей читательской публике под видом желаемого ею продукта, зато в олдовском сострадании нет ни снобизма, ни профанации. Обидно, когда фэнтези делают литературой для горничных и лакеев, но не первая зима на волка, было уже и не такое! Например, в «петербургском проекте» итогом подобной культурной политики случилась очень-очень страшная история с итоговым испомещением первого лица государства на икону в качестве «лика новомученика», и теперь всех атеистов и позитивистов, иродов и аспидов,

официальные лица и неофициальные юридические Святого Ордена попрекают за отсутствие *покаяния* – «невосторженный образ мыслей» (Стругацкие, ТББ).

Хватит, право, благородных Эльдаров и Берендилов, сказочных принцесс и царей-батюшек! Потомки мастеровых и землепашцев, кухарок и дворников – духовные наследники Некрасова и Блока, Горького и Булгакова, Зощенко и Платонова, Маяковского и Шолохова, прекрасно понимают, что наступать на грабли «петербургского проекта» во второй раз – глупость, непростительная даже для «либерала-государственника» в стадии окончательного ясноглазия. Олди уходят в Реттию, Хенинг, Ла-Ланг и куда угодно, лишь бы не творить *красивые* «героические саги». Можно, разумеется, снова и снова заполнять экран ТВ и книжные лотки «правозащитными» ламентациями и псевдопатриотической нефеодалной чушью, – известный процент *реципиентов* можно воспитать и на еще худшей «макулакультуре», но пользы от этого не будет никому: горничные и лакеи (в отличие от крестьянок вроде бедной Лизы) любить *господ* не умеют. Им это «западло», а поскольку Олди в гражданско-либеральные и ура-патриотические «духовные» игры не играют ни на Украине, ни в РФ, просто пишут хорошие книги, – «сеют разумное-доброе-вечное», – дополнительное им спасибо.

Минус на плюс равно житейской конкретике, а не абстрактному злу

Главной проблемой творчества Олди является «цивилизационный тупик». Мыслят-пишут они наполнено-насыщенно и ярко-лирически, – «культурологически», однако в меру, чтобы читатели принимали формирующееся «мыслечувство» не готовеньким, отлитым в стандартную форму, но могли примерить художественные детали на себя в различных вариантах развития или деградации. Экспериментируют Олди красиво, не жалея пробирок, вплоть до гибели цивилизаций или «смерти духа» в различных формах «столпотворений», как в романе «Богадельня» (2001), где гражданам Платону, Кампанелле, Томасу Мору и прочим благодетелям человечества, строителям Вавилонской башни, достается и по первое, и по тридцать первое число. Включается, таким образом, проблема *ответственности каждого за всех и всех за каждого* (опять ТББ, – привет отцу Кину, идеологу Святого Ордена!), уйти от этого нельзя. Чем богаче культура-цивилизация, чем больше у общества возможностей, тем сложнее взаимодействуют его страты, классы имущих и неимущих, тем глубже и основательнее, «универсальнее» и многообразнее

должны быть воспитаны все его члены без исключения, иначе катастрофы будут происходить не только на уровне «чисто технических» случайностей («а самолеты *сами* не летают»!), как это теперь понятно.

Роман «Золотарь» не случайно создан в жанре «техно-фэнтези» (поскольку фоном для него стала сеть Интернет с ее серверами и блогами, чатами и ссылками, специфическим жаргоном и новейшими субкультурами) – достаточно сложное, проблемное, тематически многоплановое произведение, выражаясь коснеющим языком антисовременной критики... Иначе говоря, сразу и «экшенская», и «просветительская», довольно-таки горькая, однако же оптимистическая книга – и не про инопланетян или попаданцев, не про эльфов и гномов (хотя людей-«троллей» там в избытке). Книга про *всеобщее* «русскоязычное» общество от Харькова до Новосибирска – и про человечество в целом с его «культурными кодами», «социальными запросами» и «гуманистическими устремлениями», грубо говоря.

В каком обществе мы живем, люди добрые? Восхищаться негативом – стыдно, а позитив как бы неуместен – по причине отсутствия у нас, якобы «свободных» людей, подлинно положительного идеала (вроде бы его нет, и «человек человеку волчина позорный»...). Олди с этим не спорят, хотя и согласия не выразили. Им противны декларации, оборачивающиеся конъюнктурными проявлениями «рыночности», явными или скрытыми. Святых из себя не строят, но мазать грязью все на свете, по их мнению, удел глупцов, – что, впрочем, не означает благодушества [4, с. 329], и пародии у них едкие, ядовитые, – дразнить гусей умеют, но отнюдь не плевками и тем более не пощечинами. Принципиально не стоят на котурнах и не вещают с амвона, проповедуя *абсолютную истину*. Предостерегают – и то аккуратно, едва ли не стеснительно. Это не значит, что путь их устлан розами. *Успешные* авторы, еще бы, но то ли чуточку опережают «запросы рынка», то ли книгоиздатели от них отстают, как всегда?

Не суть важно. Главное, стоят крепко, держатся уверенно, творят замечательно, а как у них сие получается, изложено в многочисленных интервью и статьях... Эти авторы сами с усами, критики-литературоведы! Экспертиза собственных творений по методу Олди дает начинающим авторам довольно-таки ценный опыт, позволяет понять многое, – прежде всего то, что без упорного «труда в самопознании» подлинного творчества нет.

Казалось бы, всё просто. Деградация – уход от человечности, развитие – сострадание, но уже давно есть понятие «профессиональное сострадание», когда адвокаты, омбудсмены и правозащитники по долгу службы сострадают маньякам-садистам, серийным убийцам и педофилам-насильникам, – в рамках законности и порядка, ясное дело... Кто еще от души пожалеет Чикатило или Эльзу Кох, рискуя карьерой и репутацией?

Олди, последователям Стругацких, эти функции «профессиональных человеколюбцев» столь же неприятны, как любое другое лицемерие, они обязательно срывают маски с «лгущих во благо»... «Сверхчеловеков», во всяком случае, обыгрывают-казнят виртуозно, в том числе и в «Шмагии», и в «Золотаре». Маги и «шмаги» о себе знают, какие слабые и несовершенные они существа, а редактор Золотарь, способный входить в интернет-транс и узнавать всё про всех чисто виртуально, не пользуясь компьютером, к себе относится критически. Интеллигент советской закалки с врожденной ненавистью к официозу, – классический случай! Его не интересуют абстрактные проблемы в типовой упаковке, но он хочет понять свое время, свое общество – в контексте его движения-развития.

Ил. 5. Одиссей, сын Лаярта, из человека Номоса становится человеком Космоса, чтобы, отвергнув соблазны обретения «божественности», вернуться домой.

Гуманизм тут не теоретический, сложнейшие «житейско-бытовые» взаимоотношения-контакты между соратниками-единомышленниками, – и в «Шмагии» та же проблема, полученная из нашей реальности. Злом оборачивается добро, обращенное на пользу себе исключительно, а добром становится зло, *вынужденное* спасать отдельных людей и «общественное целое», хотя внутри себя оно остается «деманием», – таковые демании владеют всеми сколько-нибудь развитыми цивилизациями-социумами. Минус на минус чаще всего дает плюс, но и плюс на минус от конкретики зависит, и даже плюс на плюс!

Мимезис получается и катарсис хорош, – даже когда у Золотаря проявляются «сверхспособности», он остается собой, в сверхчеловеки ему не уйти, ибо заслуживает концентрации на *развитии*, а не потери душевного

равновесия и личности-идентичности. Мускулюсу же, победителю Судьбокрута, в романах «реттийского цикла» предстоят новые испытания. Только постоянное самосовершенствование и поединки позволяют *малефикам* по-настоящему развиваться, идти выше и дальше, обогащая теоретическую и боевую магию (точную науку, имеющую в романе законы, весьма далекие от *мистики*).

Возможность роковой ошибки – на каждом шагу, гибельный риск! Таким образом, «олдийский» фэнтези – затейливый *игровой* вымысел со стихами и боевыми стычками, высокоинтеллектуальными частушками, всевозможными *хохмами* (гэгами) и эстрадно-цирковыми номерами. Литература, она и есть литература, хоть киберпанком назови, хоть побасенкой (на пятьсот страниц...) или даже «эльфискально-гномотаможенной опупеей».

Краткие выводы

«Золотарь» – про нас, граждан СНГ, целиком и полностью. «Шмагия» – ближе к советскому времени, к «Понедельнику» и «Пикнику на обочине» Стругацких – и, пожалуй, заодно к «Магии Инкорпорейтед» Р. Ханлайна, «Скиву Великолепному» Р. Асприна и «Плоскому миру» Т. Пратчетта, а также «Поттериане» Дж. Роулинг, – оттого, наверно, что наличествует жизнеутверждающий пафос, который в России еще с ельцинских времен не приветствуется, ибо положено нам, грешным, неустанно скорбеть о *темном* советском прошлом и строить «западнообразное» гражданское общество, довольно-таки отвратное ввиду сугубой цивилизованности, судя по предлагаемым образцам! Олди в этом безумно полезном, нужном кому надо деле нам, увы, не помощники. Их книги развлекают, поучая, зовут к знанию-труду (ни слова там нет о душевспасительности *трудовых страданий в поте лица!*) и к творческим созиданиям. Гордыне учат, короче говоря, потому что даже их горестное осмеяние строителей Вавилонских башен исполнено вольномыслия, чуждого и невеждам-журналистам, и философам-богословам, и западным футурологам, совершенно точно знающим, что можно говорить и первым, и вторым ради *счастья общечеловечества*.

Список литературы

1. *Олди Г.Л.* Золотарь, или Просите, и дано будет...: Избр. произведения. – М.: Эксмо, 2011. – 352 с.
2. *Савицкая Т.Е.* Фэнтези: становление глобального жанра. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://infoculture.rsl.ru/NIKLib/althome/news/KVM_archive/articles/2012/02/2012-02_r_kvms3.pdf
3. *Славинская И.* Генри Лайон Олди: Платить налоги – это сотрудничество с властью? Интервью с писателями. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://fantasy-worlds.ru/publ/genri_lajon_olde_platit_nalogi_eto_sotrudnichestvo_s_vlastju/9-1-0-952 (дата обращения: 25.02.2011).
4. *Олди Г.Л.* Шмагия: Фантастический роман. – М.: Эксмо, 2011. – 416 с.
5. Отклик на роман Генри Лайон Олди «Золотарь, или Просите, и дано будет...» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://forum.fantasy-worlds.org/publ/our/genri_lajon_olde_quot_zolotar_ili_prosite_i_dano_budet_quot/15-1-0-831. (дата обращения: 25.05.2012).
6. Что наша жизнь? Игра! // *Олди Г.Л.* Орден Святого Бестселлера, или Выйти в тираж: Избранные произведения. – М.: Эксмо, 2006. – С. 588–667.

Сведения об использованных иллюстрациях:

- Иллюстрация содержания. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: (Оглавление). Олди в парадном виде. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://life.pravda.com.ua/images/doc/b/4/b4d2f36-2.jpg> (дата обращения: 12.06.2015).
- Ил. 1. Олди в президиуме. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:H._L._Oldie.jpg. (дата обращения: 04.09.2010).
- Ил. 2. Олди: гармония спарринга. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://mobi.ru/Articles/3218/GL_Oldi_ob_yevolyucii_mobilnoi_tehniki_i_interneta.htm (дата обращения: 12.06.2015).
- Ил. 3. Книга, посвященная альтернативной реальности. Там есть Россия начала XX века, есть жандармы и «антиобщественные элементы» – маги.

Ил. 4. Обложка романа «Путь меча». Обожатели «романтики битв» вправе почерпнуть отсюда кое-какие истины, касающиеся любви к оружию, – а также по отношению к привычке мыслить категориями **техники**, когда боевые инструменты определяют стремления хозяев.

Ил. 5. Обложка романа, посвященного «альтернативной европейскости», – продолжение «Шмагии».

Ил. 6. Одиссей, сын Лаэрта, из человека Номоса становится человеком Космоса, чтобы, отвергнув соблазны обретения «божественности», вернуться домой.

Источник: *Культура в современном мире*. — 2012. — № 3. — [Электронный ресурс]. —

Режим доступа: *URL*: <http://infoculture.rsl.ru>